

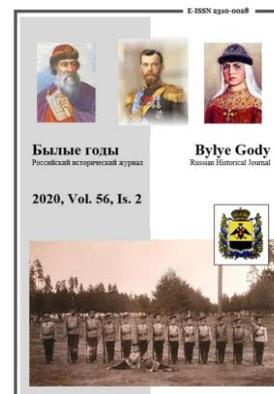
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 699-708. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.699
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Scientific Dynasties in Russia of the 19th and 20th centuries: Features of Social Construction and Reproduction Practices

Dmitry P. Isaev ^{a, *}

^aSouthern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of scientific dynasty as a social phenomenon in Russia of the 19th and 20th centuries. Using the tools of interdisciplinary research practices, the author identifies the basic and evolutionary characteristics of dynasties in the context of socio-historical transformations of that period. The scientific intelligentsia of the 19th century forms a new type of personality in science, a socially attractive image of a scientist, thus creating a platform for its own reproduction as a socio-professional group. Constructive professional identity developed in the families of scientists has become a precondition for the emergence of entire dynasties which can be described with such enduring features as large numbers of children, special abilities of children, special role of parents as conductors of dynasty in educational and upbringing process, and the formation of a highly intellectual book culture. Positive family and interfamily kinship communications that created an expanded dynastic space and cultural capital played a special role in the reproduction of family traditions too. According to the author, it does not seem reasonable to view the scientific dynasties of pre-revolutionary time as social monopolies. The article also considers the Soviet experience in the construction of scientific dynasties, yet in a targeted manner and within the frames of comparative approach. Economic hardship during the initial years, the politico-ideological situation and etc. were attributed to the negative circumstances. As a result of demographic and mental shifts, other channels of the dynastic space were formed, for example, on the basis of ideological community. On the other hand, as reflected in the article, the realization of continuity through the traditional values of the previous period was happening implicitly.

Keywords: scientific dynasty, professional dynasty, professional identity, professorial family, cultural capital, family communication, social monopoly, the Lyapunovs, the Fortunatovs.

1. Введение

В современных условиях наблюдается актуализация коммеморативных практик, направленных на изучение наследия, сохранение памяти о тех или иных ученых и их семьях. Потомки и родственники пишут книги-воспоминания, реконструируют генеалогические связи, собирают артефакты. Это свидетельствует о сохранении того идентификационного ресурса, каким обладали/обладают так называемые научные династии. Необходимость реконструкции их социокультурного облика в российской истории определяется следующими обстоятельствами. Социальный образ пореформенной России во многом определялся новой ролью и значением интеллигенции, которая с того времени стала характеризоваться претензией на решение общественно значимых вопросов, отсюда своим обликом, стратегиями поведения и т.д. Из интеллигентной среды выделялись различные профессиональные группы умственного труда. Видное место в этом процессе принадлежало научной интеллигенции, «ученому сословию», удельный вес которого в рамках

* Corresponding author

E-mail addresses: disaew@mail.ru (D.P. Isaev)

группы в начале XX в. достигал 30 % (Лейкина, 1976: 218). В его недрах со временем стали появляться целые династии.

Сформировав своеобразную корпоративную профессорскую среду, ученые как социальная группа оказали свое влияние на определенную трансформацию традиционного сословного устройства Российской империи. Будучи, в основном, выходцами из дворян, духовенства, а также мещанской среды, они теряли связь с прежней социальной средой, формируя новую (Никс, 2004: 8). Устойчивый характер данному процессу в том числе сообщали внутри/межсемейные связи. Обращение к социальному опыту научных династий того времени позволяет сосредоточиться не столько на научных достижениях семей (традиционная история науки), сколько с помощью междисциплинарных практик дает возможность проанализировать условия появления данного феномена, характерные черты воспроизводства специфической среды (социальная история), конструктивный потенциал династии как профессиональной группы. Решение этих аспектов поволит говорить о закономерном процессе появления научной династии как социального феномена, конструирования ее специфического облика, устойчивости и некоторой эволюции в условиях радикальных трансформаций в России XX в.

2. Материалы и методы

Используемые в данной статье материалы можно подразделить на следующие группы:

Во-первых, это исследования. Их первую подгруппу условно назовем теоретико-социологическими. В них разрабатывается понятийный аппарат, даны первичные обследования ученых как эмпирической группы. Вторую подгруппу составляют работы по истории интеллигенции, университетов, повседневности в России XIX–XX вв., в которых можно проследить контекст, атрибутику появления и воспроизводства научных династий. К третьей подгруппе относятся биографические исследования конкретных ученых, их семей, династий, содержащие важный материал по реконструкции быта, коммуникаций, ценностей. В работе мы преимущественно касаемся фамилий Веселовских, Грот, Лаппо-Данилевских, Ляпуновых, Лурье, Петровских, Рубинштейнов, Семеновых, Скрябиных, Соловьевых, Струве, Фортунатовых, а также используем обработанную вторичную информацию и по другим научным династиям.

Во-вторых, это источники, которые подразделяются на статистические материалы и документы личного происхождения. К последней подгруппе относятся воспоминания, дневники, интервью самих членов семей, их современников и потомков, через которые возможна реконструкция «научно-семейного» пространства изнутри, специфики профессиональной преемственности.

В работе применяется междисциплинарная методология. Используются общеисторические методы (генетический, типологический, сравнительный), позволяющие дать эволюционные, ситуативные и структурные характеристики изучаемым объектам, герменевтический – при прочтении персональных текстов. Подход к проблеме с позиции социального конструирования позволяет верифицировать возможности использования понятий «профессиональная династия», «профессиональная идентичность», «социальная монополия» в историческом контексте, выстраивая конкретный язык описания. В исследовании под «профессиональной династией» подразумевается «локализованная в производственной и социально-экономической сфере социальная группа, характеризующаяся кровнородственными отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» (Посухова, 2013: 100). Таким образом, понимание «научной династии» как «профессиональной» позволяет уйти от описательности, формулируя новые направления исследований.

3. Обсуждение

Научная династия, семейственность и родственные связи в среде ученых как предмет исследования проявляются в различного рода работах. Собственно, их количество превышает всякую возможность целостного учета, поэтому целесообразно обратиться преимущественно к их типологизации. Так, упорядочим труды в две большие группы с выделением подгрупп. К первым можно отнести социологические исследования ученой среды. Едва ли не первым опытом выступили количественные исследования одного из основателей евгеники Ю.А. Филипченко в 1920-е гг. Составленные им на основе полученных результатов таблицы о социальном происхождении, профессиях родственников, детности, специальных способностей содержат ряд весьма важных наблюдений и выводов, не теряющих актуальности и сегодня (Филипченко, 1921b). Также интересным представляется проведенное Л.Г. Зубовой в 1990-е гг. исследование мотивации научного труда, в ходе которого было выделено семь типов поведения в науке. Принципиальное значение для нас имеет вывод о «желании научного будущего для своих детей» в рамках первых двух типов (Зубова, 1998: 49). Отдельного внимания заслуживают работы современных ростовских социологов по изучению теоретико-методологических аспектов понятия «профессиональная династия». В частности, важна постановка проблемы профессиональной династии в академической среде как «носителя конструктивного/деструктивного потенциала» (Мостовая и др., 2019; Посухова, 2013; Посухова, 2018).

Вторую группу составляют историко-научные работы. В ней выделим ряд подгрупп. К первой отнесем изыскания, выявляющие те или иные династии, реконструирующие генеалогические древа, но в целом имеющие описательный характер. К таковым отнесем статью В.А. Бронштэна о династии Струве ([Бронштэн, 1992](#)), а также работы А.В. Гатиловой, где показан прежде всего научный вклад выявленных автором польских династий в Казанском университете до 1917 г. ([Гатилова, 2011](#)). В статье о династии Черепнинных автором лишь фиксируется родственная связь между тремя поколениями, после чего отмечаются те или иные научные достижения каждого из них ([Чекурин, 1991: 150-162](#)). К данной группе относится и сборник о династиях ЮФУ, состоящий из биографических словарных статей, посвященных видным ростовским ученым и педагогам Ростова, в том числе дореволюционного времени ([Гайворонский, 2015](#)).

Следующую подгруппу составляют многочисленные биографии ученых, принадлежащих к видным династиям. Как правило, в них очерк жизни и творчества сопровождается указанием на семейные традиции, отмечается роль семьи, родственников, межпоколенных связей, повлиявших на успешную реализацию талантов того или иного ученого. К такого плана работам отнесем, например, книгу о выдающемся математике А.А. Ляпунове ([Воронцов, 2011](#)).

Третья подгруппа содержит историко-научные исследования в рамках интеллектуальной истории, где внимание сосредоточено не на научных результатах, а на антропологическом и социокультурном контексте бытования знания. Выделим прежде всего монографию В.П. Корзун об отце и сыне Лаппо-Данилевских, в которой интерес направлен на реконструкцию «жизненного мира» обоих ученых. Сосредоточив внимание на концепте «профессорской семьи», автор фиксирует ее характерные функции: организация научного пространства, участие в научной деятельности, формирование первоначального оппонентного круга, приобщение к этосу науки и сохранение памяти об ученых ([Корзун, 2011: 115](#)). Данные выводы подтверждаются микроисториями изучения и иных «ученых» семей. Исследованию феномена «одесских» Рубинштейнов посвящены работы В.В. Левченко. Заслуживает внимания его вывод о том, что реализовать себя в науке братьям Рубинштейнам удалось в том числе благодаря интеграции в российское/советское социокультурное пространство ([Левченко, 2015](#)). Наконец, интересен опыт изучения рода Фортунатовых, предложенный современными исследователями Т.Н. Ивановой и Н.Н. Агеевой. Авторы сосредоточились на социокультурных и исторических факторах, обусловивших долговременную успешность данной династии в плане достижения выдающихся научных результатов ([Иванова, Агеева, 2019](#)).

Таким образом, цель данной работы мы видим в том, чтобы в рамках социокультурного подхода предложить комплексное междисциплинарное исследование научной династии как социального феномена, совместив описательные, аналитические и синтетические стратегии изучения теоретически нагруженного концепта.

4. Результаты

Научные династии в России являются историческим феноменом в том смысле, что их формирование приходится на конкретное историческое время. Родословная многих ученых семей уходит далеко в глубь веков, однако, строго говоря, об их идентификации следует говорить не ранее середины XIX в., когда самостоятельно начинают проявлять себя дети условно выделяемого отца-основателя рода (что, впрочем, характерно не только для научной среды, к примеру, понятие «купеческая династия» оформляется примерно в это же время). Рассмотрим условия их появления и распространения.

В ходе Великих реформ социально-экономическая ситуация в России способствует резкой дифференциации профессионального труда, развитию новых сфер жизнедеятельности, а через них – и направлений научных исследований. Расширяется сеть высших и средних учебных заведений, формируя таким образом спрос на ученые и педагогические кадры.

Отдельно стоит упомянуть возросшее в XIX в. влияние научного, позитивистского мышления на мировоззрение человека. Складывается новый тип личности – ученого, посвятившего жизнь служению науке и истине. Данный социальный образ становится все более притягательным, авторитетным в обществе, что способствует формированию довольно высокого социального статуса профессорско-преподавательской корпорации ([Ростовцев, Баринов, 2012: 42](#)). И если престижность профессии ученого и преподавателя привлекала выходцев из других социальных групп, то, в свою очередь дети профессоров зачастую стремились остаться в воспитавшей их академической среде. Возникал так называемый закон «социального наследия». По словам К.Б. Соколова, «дети по своему характеру, темпераменту, стилю поведения во многом похожи на своих родителей. В каждой семье складывается своя атмосфера, своя культурная среда, и именно она оказывает наибольшее воздействие на ребенка» ([Соколов, 2007: 400](#)). Правда, бывали яркие исключения. К примеру, в семье историка С.М. Соловьева (отнесение которой к династии является дискуссионной проблемой) уход старшего сына Всеволода в литературную деятельность сопровождался разрывом с профессорской средой ([Соловьев, 1977: 35](#)).

Отдельно необходимо сказать о таком факторе как многодетность в интеллигентных семьях, который, по сути, определил саму возможность появления династий, однако позднее стал далеко не таким очевидным. К примеру, у Якоба Струве минимум три сына стали учеными, а у его сына, собственно, основателя династии астрономов, В.Я. Струве, только от первого брака было 12 детей (Бронштэн, 1992: 62). Ф.Н. Фортунатов имел пять сыновей, лишь один из которых не увлекся науками (Иванова, Агеева, 2019: 394-397). Подобное можно сказать и о других династиях. Заметим, что данные факты определенным образом коррелируют с наблюдением Ю.А. Филипченко, указавшим на бóльшую детность отцов выдающихся ученых (более пяти), в два раза превосходящую детность самих ученых, опрошенных в 1920-е гг. (Филипченко, 1921a: 31). С другой стороны, преувеличивать степень распространенности династий в науке не следует, учитывая численность самой группы ученых. Сама специфика их профессиональной деятельности, увлеченность наукой зачастую отводили на второй план задачу создания семьи и рождения детей (Никс, 2004: 11). Среднее количество детей в профессорских семьях в дореволюционной России равнялось двум-трем, что накладывало известные ограничения для развития потомственной профессии (Бушуева, 2012: 181; Филипченко, 1921b: 15). Таким образом, социальное значение научной династии следует оценивать в качественном, а не количественном плане.

Понятно, что в качестве конструирующего ядра будущей династии выступала семья/род. Обратимся к наиболее типическим характеристикам формируемого пространства, позволяющим говорить о единообразном социальном процессе. Исследователи традиционно отмечают такой факт, что в благоприятной семейной обстановке раскрытие существенных талантов ребенка особо проявляется во 2–3 поколениях, хотя импульс задается именно родителями, обладающими вполне определенными задатками одаренности (Лейкина-Свирская, 1976: 214). В истории династий находим множество примеров, когда выдающимися способностями обладали и отец, и сыновья. Для нас в данном случае важна сама констатация необходимой связи между становлением научной династии и талантами, располагающими, во-первых, к исследовательской деятельности, во-вторых, проявленными и в других областях (музыка, для гуманитария – математика и т.д.). Так, печатью значительных интеллектуальных способностей было отмечено, к примеру, многочисленное потомство Фортунатовых. Алексей Федорович Фортунатов в 1870-е гг. сменил несколько высших учебных заведений в поисках сферы подлинной реализации (Иванова, Агеева, 2019: 397). «Счастливыми задатками» обладал будущий философ Н.Я. Грот, сын знаменитого филолога Я.К. Грота (Шенрок, 1911: 6). Хрестоматийным является пример А.С. Лаппо-Данилевского, выдающегося историка и философа, а также отца едва ли не гениального математика И.А. Лаппо-Данилевского. С детства Александр Сергеевич увлекался математикой, музицировал. Характерно его признание в одном из писем: «Я иной раз чувствую такую страшную жажду знания, так страстно хотелось бы заняться и другими науками, не только сидеть на одной истории, а между тем на каждом шагу приходится убеждаться в собственном бессилии и невозможности всем овладеть» (Лаппо-Данилевский, 2013: 91).

Повторимся, что указанные способности могли развиваться в благоприятных обстоятельствах, формируемых конкретным семейным бытом и традициями семейного воспитания. В домашней атмосфере дети ученых с ранних лет приобщались к науке, вникали в ученые разговоры взрослых, вращались в профессорской среде. Как вспоминал Н.Г. Высотский, «дом Фортунатовых был как будто насквозь пропитан ученостью, и было бы странно и непонятно, чтобы сыновья глубоко преданного науке Федора Николаевича Фортунатова не стремились к кафедре» (Иванова, Агеева, 2019: 394). Или о семье Я.К. Грота современник писал, что она «производила отрадное впечатление своими привлекательными нравственными качествами. Здесь было царство честного труда и строгого порядка во всем» (Шенрок, 1911: 13). Данные факты позволяют говорить о своего рода раннем этапе профессиональной социализации в семьях, определяющей в свою очередь будущую «конструктивную профессиональную идентичность» (Мостовая и др., 2019: 77).

Роль родителей в данном процессе трудно переоценить. Однако следует обратить внимание, что сами стратегии взаимодействия родителей и детей трансформировались в течение второй половины XIX в. По наблюдениям В.А. Веременико, еще в середине века родители в дворянских семьях весьма редко сами непосредственно занимались с детьми, обучали чтению и т.д., пользуясь услугами гувернеров. К примеру, именно гувернер Д.И. Крейме приучил П.П. Семенова, будущего Тянь-Шанского, правда в неблагоприятных семейных обстоятельствах, к систематическим научным занятиям, выступив мудрым наставником и замечательным психологом в общении с мальчиком (Солодянкина, 2016: 80-81). С течением же времени роль родителей в процессе обучения и воспитания только увеличивается (Веременико, 2008: 210-211). Можно говорить о культурном капитале, формируемом профессорской семьей (Корзун, 2011: 70). Примеров существует множество. Интересные воспоминания оставил академик К.С. Веселовский, представитель династии, из которой вышли знаменитые филологи, историки, химики, биологи (Е.Б. Веселовская была первой женщиной-доктором наук по ботанике в России (1907 г.)). По его словам, «родители наши прилагали величайшие старания к тому, чтобы доставить своим детям наилучшее образование, принося для этого и материальные жертвы...» (Веселовский, 2010: 38, 125). Целую программу воспитания составили

супруги Я.К. и Н.П. Гроты, терпеливо воплощая в жизнь педагогические приемы по отношению к неугомонной натуре своего сына. И это давало свои плоды. Как признавался позднее сам Николай Яковлевич, «секрет в том, что я сын Якова Карловича и Натальи Петровны» (Шенрок, 1911: 5, 29).

В первую очередь следует говорить о формировании книжной культуры, имеющей определяющее значение для интеллектуального труда. Как пишет Н.Н. Никс, «под влиянием родителей у будущих профессоров с детства формировались навыки работы с литературой, с раннего возраста они учились делать выписки из книг и составлять свои собственные маленькие библиотечки» (Никс, 2004: 12). Воспоминания членов династий пестрят подробностями о первоначальном детском интересе, связанном с чтением. Академик Я.К. Грот вспоминал, как, забиравшись в комнату тетки, «находил особенное удовольствие в том, чтобы рыться» в толстых словарях, «отыскивая слова и проводя таким образом целые часы» (Солодянкина, 2006: 81). Академик С.Б. Веселовский писал, какие для него последствия имело приобретение отцом одной частной библиотеки (Веселовский, 2010: 50).

В профессорских семьях особая роль в обучении детей принадлежала отцу, основному проводнику династичности. Зачастую он сам руководил образованием на начальном этапе, следил за успехами своих чад, предъявлял достаточно высокие требования, наконец, воспитывал своим примером. Как вспоминала жена А.С. Лаппо-Данилевского Елена Дмитриевна о своих детях, «детство и юность обоих братьев прошли под большим умственным и нравственным влиянием их отца... В те немногие свободные минуты, которые А[лександр] С[ергеевич] мог посвятить свои детям, он отдавал им изумительно много двигающего вперед ум и душу...», в результате чего «с раннего детства братья научились понимать силу, высоту и значение умственного труда...» (Корзун, 2011: 69-70). Отец математика А.А. Ляпунова (1911 г.р.), в силу обстоятельств вынужденный оставить научное поприще, постарался дать сыну широкое естественнонаучное образование, сам обучал астрономии, физике, математике (Воронцов, 2011: 60). Как справедливо отмечает Л.А. Бушуева, «во многом благодаря влиянию отцов в университетских семьях в рассматриваемый период (Казань до 1917 г. – Авт.) профессорская среда тяготела к наследственности» (Бушуева, 2012: 186). Известны случаи, когда отцы продолжали оказывать помощь, поддержку в научной жизни уже взрослым детям. Так, казанский славист М.П. Петровский после своей отставки «все свое время, весь внешний распорядок жизни... полностью подчинил распорядку жизни сына Нестора», начинающего слависта (Мягков, Макарова, 2006: 68).

С другой стороны, немаловажную роль в семьях играли матери и жены. К.С. Веселовский вспоминал, что именно матери обязан умению читать и писать по-русски и по-французски (Веселовский, 2010: 38). Встречаются примеры, когда супруга также занималась научной деятельностью, как, к примеру, жена историка Д.А. Корсакова – В.Д. Корсакова (Бушуева, 2012: 178). И если рождение и уход за детьми накладывали на это определенные ограничения, то существовали различные способы ее участия в научной работе мужа (переводы, поиск литературы и т.д.). Данные обстоятельства делают оправданной мысль В.П. Корзун о том, что умение женщины поддерживать интеллектуальную напряженность в семье, соучаствовать в научном пространстве может рассматриваться как «один из существеннейших элементов личного счастья» (Корзун, 2011: 84).

На семейный быт ученых семей влияли, однако, не только отношения по вертикали – родители–дети. Немаловажна была степень близости и между детьми. Данный фактор мог напрямую повлиять на будущее самой научной династии. Как кажется, особо теплые отношения между братьями Фортунатовыми позволили сохранить восприятие рода как единого целого в условиях неизбежного разрастания. Династические традиции Ляпуновых (математики, физики, врачи) в непростых условиях 1920-х гг. сохранялись благодаря тесным родственным связям. По словам Н.Н. Воронцова, «те, кто попадал в начале 20-х гг. в семью Ляпуновых, поражались обилию постоянно бывавших в доме родных и близких, разобраться в генеалогических связях между ними было совсем не просто..., но все они были хорошо знакомы друг с другом...» (Воронцов, 2011: 48). Напротив, конфликт Всеволода Соловьева с отцом С.М. Соловьевым, а также многолетняя вражда с братом Владимиром накладывает определенные ограничения на ретроспективное восприятие данной семьи как интеллектуальной династии (Соловьев, 1977: 41).

Наконец, следует сказать о межсемейной коммуникации. Особенности профессиональной деятельности, как правило, способствуют формированию особого круга общения коллег по университету, обусловленного потребностью интеллектуальной близости. Семьи ученых создают своеобразный альянс как на уровне повседневного общения, так и формируя родственные отношения. Так, к примеру, сестра П.П. Семенова-Тян-Шанского Наталья Петровна стала женой Я.К. Грота. Ляпуновы в XIX в. породнились с семьей Сеченовых (Воронцов, 2011: 19). По словам Л.А. Бушуевой, «браки внутри университетской корпорации считались удачными для жениха и невесты» (Бушуева, 2012: 172). Безусловно, данный фактор способствовал не только расширению корпоративного пространства, но и укреплял символический капитал семьи, создавая «собираемый» образ династии. Не случайно Ю.А. Филипченко обратил внимание на то, что в анкетах выдающиеся ученые часто указывали на наличие «выдающихся родственников» (Филипченко, 1921а: 33).

В связи с этим закономерно задаться вопросом о потенциальной социальной монополии профессорской семьи в указанный период. Существуют примеры различного использования «родственного» ресурса в данной среде (Бушуева, 2012: 187). Известно, что практически все Фортунатовы преподавали в университете Шаняевского (начало XX в.). Однако этот факт был рассмотрен исследователями в позитивном ключе (Иванова, Агеева, 2019: 401). Пример столичного университета показывает, что до четверти вновь поступавших на службу из профессорско-преподавательского состава являлись выпускниками других учебных заведений. Таким образом, «система самопополняемости корпорации отнюдь не превращала ее в замкнутую кастовую структуру» (Ростовцев, Баринов, 2013: 37; Ростовцев, Баринов, 2012: 47-48). Тот факт, что научная династия не могла в этом плане обладать деструктивным потенциалом, демонстрируют и подсчеты Ю.А. Филипченко, согласно которым лишь 18 % детей ученых сами становились учеными (для семей выдающихся ученых этот показатель достигал 45 %) (Филипченко, 1921a: 30; Филипченко, 1921b: 17). Ограничивающим параметром здесь выступают, по нашему мнению, специальные когнитивные способности детей.

Социальные трансформации в России после 1917 г. оказали значительное воздействие на судьбу научных династий как социально-профессиональной группы. Данный период заслуживает отдельного рассмотрения, поэтому пунктирно наметим некоторые сюжеты. Весьма значительный поток после революции составила научная эмиграция, создав зачастую чувствительные бреши в системе научной коммуникации. Особенно это касалось гуманитариев. Разрушенный быт отрицательным образом сказывался на повседневности, весьма затрудняя творческую деятельность ученых. К примеру, борьба за выживание И.А. Лаппо-Данилевского, с одной стороны, обуславливалась «волей к творчеству», с другой – колоссальное напряжение сил предопределило его ранний уход из жизни (Корзун, 2011: 41-43).

Для ученых, имеющих дворянское и иное непролетарское происхождение, возникли значительные трудности в личной и профессиональной реализации. Так, экономист К.Д. Корсаков, сын историка Д.А. Корсакова, с конца 1920-х гг. был неоднократно репрессирован, сгинул в тюрьме. А.А. Ляпунов через 1,5 года после поступления в МГУ (1928 г.) был вынужден уйти «из-за дворянского происхождения». И только другие обстоятельства помогли ему продолжить обучение (Воронцов, 2011: 87). Напротив, как показал В.В. Левченко на примере одесского Института народного образования, это время было исключительно благоприятным, к примеру, для формирования еврейских научных семей (Левченко, 2015: 154).

В целом, советская власть сознательно занималась конструированием только рабочих династий. Что касается интеллектуальных семей, то значительно менялся сам контекст их существования. Так, в силу потенциальной/реальной оппозиционности режим в принципе всяческими мерами, вплоть до репрессивных, препятствовал формированию потомственной интеллигенции. Но, обратим внимание еще на некоторые аспекты. Не случайно династии формировались в пространстве расширенных семей, в условиях традиционного общества. Ситуация модерна меняла сам «культурный код» семьи, ставшей в XX в. по преимуществу нуклеарной. Безусловно, советская наука как часть интеллигентной среды продуцировала и родственные связи, что с неизбежностью закладывало фундамент для династических практик. Однако менялось их восприятие. Как представляется, зачастую они имели, прежде всего, не социальное (большой клан), а личностно-идентификационное значение для ее членов. Наверное, ключом к пониманию данной трансформации служит признание историка Я.С. Лурье, представителя многопоколенной семьи гуманитариев: «И меня, как и их (деда и отца – Авт.) “мысли и взгляды” занимают больше, чем судьба друзей и родственников» (Лурье, 2004: 252), то есть причастность становилась более «идейной», обнаруживая себя через общность «мыслей». Сам образ династии мог совмещать как прежние унаследованные, так и новые достигаемые статусы. Характерно в этом контексте высказывание биолога К.Г. Скрябина: «Я хотел... продолжить семейную традицию и сделать нашу фамилию первой семьей академиков в трех поколениях» (Лесков, 2011: 87). Полагаем, что здесь скорее реализуется «номиналистическая» стратегия конструирования династии: таким образом происходило расширение каналов формирования соответствующего пространства.

С другой стороны, в советский период подспудно обнаруживалась традиционная преемственность, в рамках которой имплицитно воспроизводились ценности и организовывалось «физическое» пространство, характерное для профессорской культуры имперского периода. На примере семьи А.А. Ляпунова (1911–1973) укажем на некоторые из них: прежде всего, это неизмеримая любовь к науке, ощущение ее единства и могущества, отсюда энциклопедизм познаний. Как вспоминал младший друг семьи, описывая домашние вечерние встречи, «один и тот же человек мог рассказывать нам об особенностях греческого театра и о квантово-механическом соотношении неопределенностей». В данной семье продолжалась традиция воспитания детей через раннее приобщение к науке, тайнам мироустройства. Для своих дочерей (будущих докторов биологических наук) и их друзей Алексей Андреевич организовал так называемое «детское научное общество», вел домашний кружок, на котором дети выступали с докладами. Настоящей хозяйкой «открытого, разумного, гостеприимного и шумного Ляпуновского дома, унаследовавшего традиции предшествующих 2–3 поколений Ляпуновых» была жена Анастасия Савельевна Ляпунова, вносившая

организованность в эмоциональный склад жизни ученого мужа (Воронцов, 2011: 100, 131, 133). Характерным признаком повседневности таких домов оставались тесные межсемейные коммуникации. Правда, в условиях развития научных центров АН, имеет смысл говорить также об «академических» семьях и династиях.

5. Заключение

Междисциплинарные исследовательские стратегии, предлагающие специфический язык описания, дают новые возможности для изучения социального феномена научной династии. На их появление и распространение в России оказали существенные социально-экономические трансформации XIX в. В то время значительно возросла роль науки, умственного труда, и как следствие, значение научной интеллигенции как носителя данных ценностей. Первичными факторами зарождения династий выступили многодетность, специальные когнитивные способности детей, развитые в благоприятной атмосфере «ученых семей». Со II половины XIX в. повысилась роль родителей в образовательном и воспитательном процессе, где основным агентом династичности выступил глава семейства. Вместе с тем значительную роль в поддержании «интеллектуальной напряженности» в семье играли матери/жены. Одной из базовых характеристик явилось конструирование высокой книжной культуры детей, выражавшейся не только в приобщении к чтению как таковому, но и выработке первичных научных навыков. «Физическое» пространство династии формировалось отношениями не только между поколениями, но и внутри них. Зачастую будущий потенциал напрямую зависел от позитивных контактов между братьями, сестрами и т.д., когда в условиях неизбежного расширения рода сохранялись «живые» коммуникации. Межсемейные родственные связи внутри профессорской среды, являясь важным династическим фактором, тем не менее не позволяют говорить о научных династиях как социальных монополиях.

Социальные трансформации в России после 1917 г. в значительной мере повлияли на практики воспроизводства и повседневности династий в профессорско-академической среде. Неблагоприятная экономическая ситуация в 1920-е гг., идеологическое преследование выходцев из непролетарской среды, борьба с инакомыслием, демографические сдвиги создали иные условия конструирования династичности. С одной стороны, создаются новые каналы, с другой – во многом сохраняется и традиционная преемственность в семьях, воспроизводя социокультурные ценности предшествующего периода.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Литература

- Бронштэн, 1992 – Бронштэн В.А. Астрономическая династия Струве // *Земля и вселенная*. 1992. № 3. С. 61-67.
- Бушуева, 2012 – Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.
- Веремченко, 2008 – Веремченко В.А. Взаимоотношения родителей и детей в дворянских семьях России, вторая половина XIX – начало XX вв.: этапы эволюции // *Диалог со временем*. Вып. 23. М.: ЛКИ, 2008. С. 184-211.
- Веселовский, 2010 – Веселовский С.Б. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М.: АИРО–XXI, 2010. 536 с.
- Воронцов, 2011 – Воронцов Н.Н. А.А. Ляпунов. Очерк жизни и творчества. Окружение и личность. М.: Новый хронограф, 2011. 240 с.
- Гайворонский, 2015 – Научные и педагогические династии Южного федерального университета: в 2 т. / Авт.-сост. В.Г. Гайворонский. Ростов-на-Дону, 2015. Т. 1. 240 с.
- Гатилова, 2011 – Гатилова А.В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском императорском университете // *Вестник КГУКИ*. 2011. № 3. С. 94-99.
- Зубова, 1998 – Зубова Л.Г. Мотивация научного труда: результаты типологического анализа // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 1998. № 2. С. 47-53.
- Иванова, Агеева, 2019 – Иванова Т.Н., Агеева Н.Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI веков // *Диалог со временем*. Вып. 66. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 392-404.
- Корзун, 2011 – Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с.
- Лаппо-Данилевский, 2013 – Лаппо-Данилевский К.Ю. Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // *Клио*. 2013. № 12. С. 84-101.
- Левченко, 2015 – Левченко В.В. Научная династия «одесских» Рубинштейнов – феномен мировой культуры / *Евреи Европы и Ближнего Востока: история, языки, традиция, культура. Материалы международной научной конференции памяти Т.Л. Гуриной*. Санкт-Петербург, 26 апреля 2015 г. СПб., 2015. С. 151-158.

Лейкина-Свирская, 1976 – Лейкина-Свирская В.Р. К вопросу о выборе профессий интеллигенцией в России XIX в. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 209-219.

Лесков, 2011 – Лесков С.Л. Умные парни. М.: Время, 2011. 704 с.

Мостовая и др., 2019 – Мостовая И.В., Посухова О.Ю., Клименко Л.В. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. № 6. С. 70-82.

Мягков, Макарова, 2006 – Мягков Г.П., Макарова Н.П. Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 62-76.

Никс, 2004 – Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 40 с.

Посухова, 2013 – Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100-103.

Посухова, 2018 – Посухова О.Ю. Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. № 7. С. 89-95.

Ростовцев, Баринов, 2012 – Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 35-51.

Ростовцев, Баринов, 2013 – Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10. С. 36-41.

Соколов, 2007 – Соколов К.Б. Российская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. СПб.: Нестор-история, 2007. 510 с.

Соловьев, 1977 – Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. 434 с.

Солодянкина, 2016 – Солодянкина О.Ю. Семейные традиции чтения (Бланки – Семеновы – Гроты) / Гротовские чтения. Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции, Самара, 22 октября 2015 г. Сб. тр. Самара, 2016. С. 74-85.

Филипченко, 1921a – Филипченко Ю.А. Наши выдающиеся ученые // Известия бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 22-38.

Филипченко, 1921b – Филипченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 5-21.

Чекурин, 1991 – Чекурин Л.В. Историческое краеведение. Историография и источниковедение. Учеб. пособие. М., 1991. 196 с.

Шенрок, 1911 – Шенрок В.И. К биографии Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах. СПб., 1911. С. 1-56.

References

Bronshthen, 1992 – Bronshthen V.A. (1992). Astronomicheskaya dinastiya Struve // Zemlya i vseennaya. [The Struves astronomical dynasty]. *Zemlya i vseennaya*. № 3. Pp. 61–67. [in Russian]

Bushueva, 2012 – Bushueva L.A. (2012). Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917 gg. [The daily life of a university professor in Kazan during 1863–1917]. Kazan. 288 p. [in Russian]

Chekurin, 1991 – Chekurin L.V. (1991). Istoricheskoe kraevedenie. Istoriografiya i istochnikovedenie [Historical local study. Historiography and source study]. Ucheb. posobie. M. 196 p. [in Russian]

Filipchenko, 1921a – Filipchenko Yu.A. (1922). Nashi vydayushchiesya uchenye [Our outstanding scientists]. *Izvestiya byuro po evgenike*. № 1. Pp. 22-38. [in Russian]

Filipchenko, 1921b – Filipchenko Yu. A. (1922). Statisticheskie rezul'taty ankety po nasledstvennosti sredi uchenykh Peterburga [Statistical results of the questionnaire on heredity among scientists of St. Petersburg]. *Izvestiya Byuro po evgenike*. № 1. Pp. 5-21. [in Russian]

Gaivoronskii, 2015 – Nauchnye i pedagogicheskie dinastii Yuzhnogo federal'nogo universiteta: v 2-kh t. [Scientific and pedagogical dynasties of the Southern Federal University: in two volumes]. (2015). Ed. V.G. Gaivoronskii. Rostov-n/D. T. 1. 240 p. [in Russian]

Gatilova, 2011 – Gatilova A.V. (2011). Nauchnye dinastii pol'skikh professorov i prepodavatelei v Kazanskom imperatorskom universitete [Scientific dynasties of the Polish professors and teachers of Kazan Imperial University]. *Vestnik KGUKI*. № 3. pp. 94-99. [in Russian]

Ivanova, Ageeva, 2019 – Ivanova T.N., Ageeva N.N. (2019). Rod Fortunatovykh: fortuna v kolese rossiiskoi istorii XVIII–XXI vekov [The Fortunatovs dynasty: fortune in the wheel of Russian history, the 18th – 21st cc.]. *Dialog so vremenem*. № 66. М.: IVI RAN. Pp. 392-404. [in Russian]

Korzun, 2011 – Korzun V.P. (2011). Professorskaya sem'ya: otets i syn Lappo-Danilevskie. [Professor's family: Lappo-Danilevsky father and son]. SPb.: Aleteiya. 192 p. [in Russian]

- Lappo-Danilevskii, 2013** – *Lappo-Danilevskii K.Yu.* (2013). Sem'ya A.S. Lappo-Danilevskogo: istoki i traditsii [The Lappo-Danilevskys: the Family Origins and Tradition]. *Klio*. № 12. Pp. 84-101. [in Russian]
- Leikina-Svirskaya, 1976** – *Leikina-Svirskaya V.R.* (1976). K voprosu o vybore professii intelligentsiei v Rossii XIX v. [To the question of the choice of professions by the intelligentsia in Russia in the 19th century]. *Problemy istorii obshchestvennoi mysli i istoriografii*. K 75-letiyu akad. M.V. Nechkinoi. M. Pp. 209-219. [in Russian]
- Leskov, 2011** – *Leskov S.L.* (2011). Umnye parni. [Smart guys]. M.: Vremya. 704 p. [in Russian]
- Levchenko, 2015** – *Levchenko V.V.* (2015). Nauchnaya dinastiya "odesskikh" Rubinshteinov – fenomen mirovoi kul'tury [The Scientific Dynasty of the "Odessa" Rubinsteins is a phenomenon of World Culture]. *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriya, yazyki, traditsiya, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamyati T.L. Gurinoi*. Saint-Petersburg, 26 aprelya 2015 g., SPb., pp. 151-158. [in Russian]
- Mostovaya i dr., 2019** – *Mostovaya I.V., Posukhova O.Yu., Klimenko L.V.* (2019). Metodologicheskie aspekty issledovaniya professional'nykh dinastii v rossiiskom obshchestve [Methodological aspects of professional dynasties research in russian society]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. № 6. Pp. 70-82. [in Russian]
- Myagkov, Makarova, 2006** – *Myagkov G.P., Makarova N.P.* (2006). Otets i syn Petrovskie: dva pokoleniya kazanskoi shkoly slavyanovedeniya [Petrovsky father and son: two generations of Kazan school of Slavic studies]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. T. 148, kn. 4. Pp. 62-76. [in Russian]
- Niks, 2004** – *Niks N.N.* (2004). "Velik i blagoroden trud professora" (Zhizn' i deyatel'nost' moskovskoi professury vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.). [The mission of professor is great and noble (Life and work of Moscow professors in second part of the 19th and the beginning of the 20th century)]. Preprint WP6/2004/01. M.: GU VShE. 40 p. [in Russian]
- Posukhova, 2013** – *Posukhova O.Yu.* (2013). Professional'naya dinastiya kak rezul'tat semeinykh strategii: inertsia ili preemstvennost'? [Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity?]. *Vlast'*. № 12. Pp. 100-103. [in Russian]
- Posukhova, 2018** – *Posukhova O.Yu.* (2018). Rol' professional'nykh dinastii v akademicheskoi srede rossiiskogo obshchestva [The role of professional dynasties in the academic environment of Russian society]. *Vlast'*. № 7. Pp. 89-95. [in Russian]
- Rostovtsev, Barinov, 2012** – *Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* (2012). Prepodavatel'skaya korporatsiya stolichnogo universiteta 1884–1916 gg.: osnovnye cherty i problemy kollektivnoi biografii. [Professors' corporation of the University of Moscow 1884–1916: the main features and problems of collective biography]. *Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov. 1884–1917 gg.: Issledovaniya i dokumenty*. Tomsk: Tomsk University Press. Pp. 35-51. [in Russian]
- Rostovtsev, Barinov, 2013** – *Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* (2013). Istoriko-filologicheskii fakul'tet Peterburgskogo universiteta: problemy kollektivnoi biografii (1819–1917) [The Department of History and Philology of the St. Petersburg University: problems of collective biography (1819–1917)]. *Klio*. № 10. Pp. 36-41. [in Russian]
- Shenrok, 1911** – *Shenrok V.I.* (1911). K biografii N.Ya. Grota [For the biography of N.Ya. Grot]. Nikolai Yakovlevich Grot v ocherkakh, vospominaniyakh i pis'makh. SPb. Pp. 1-56. [in Russian]
- Sokolov, 2007** – *Sokolov K.B.* (2007). Rossiiskaya intelligentsiya XVIII – nachala XX vv.: kartina mira i povesednevnost' [The Russian intelligentsia of the 18th – early 20th centuries: a picture of the world and everyday life]. SPb.: Nestor-istoriya. 510 p. [in Russian]
- Solodyankina, 2016** – *Solodyankina O.Yu.* (2016). Semeinye traditsii chteniya (Blanki – Semenovы – Groty) [Family reading traditions: The Blankis – The Semenovs – The Grots]. *Grotovskie chteniya. Materialy IV mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Samara, 22 oktyabrya 2015 g. Sb. tr. Samara. Pp. 74-85. [in Russian]
- Solov'ev, 1977** – *Solov'ev S.M.* (1977). Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva [Vladimir Solovyov: His Life and Creative Evolution]. Brussels. 434 p. [in Russian]
- Veremenko, 2008** – *Veremenko V.A.* (2008). Vzaimootnosheniya roditelei i detei v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh vv.: etapy evolyutsii [The relationship of parents and children in the noble families of Russia of the second half of the 19th and early 20th centuries: stages of evolution]. *Dialog so vremenem*. № 23. M.: LKI. Pp. 184-211. [in Russian]
- Veselovskii, 2010** – *Veselovskii S.B.* (2010). Semeinaya khronika. Tri pokoleniya russkoi zhizni. [Family Chronicle. Three generations of Russian life]. M.: AIRO–XXI. 536 p. [in Russian]
- Vorontsov, 2011** – *Vorontsov N.N.* (2011). A.A. Lyapunov. Ocherk zhizni i tvorchestva. Okruzhenie i lichnost'. [A.A. Lyapunov. Sketch of the life and creativity. Environment and personality]. M.: Novyi khronograf. 240 p. [in Russian]
- Zubova, 1998** – *Zubova L.G.* (1998). Motivatsiya nauchnogo truda: rezul'taty tipologicheskogo analiza [Motivation of scientific work: results of typology analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. № 2. Pp. 47-53. [in Russian]

Научные династии в России XIX–XX вв.: особенности социального конструирования и практик воспроизводства

Дмитрий Петрович Исаев ^а. *

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению научной династии как социального феномена в России XIX–XX вв. Используя инструментарий междисциплинарных исследовательских практик, автор выявляет базовые и эволюционные характеристики династий в условиях социально-исторических трансформаций указанного периода. Научная интеллигенция в XIX в. формирует новый тип личности в науке, социально притягательный образ ученого, таким образом создавая платформу для собственного воспроизводства как социально-профессиональной группы. Предпосылкой для появления целых династий являлась конструктивная профессиональная идентичность, развиваемая в семьях ученых. К их устойчивым признакам можно отнести многодетность, наличие специальных способностей детей, особую роль родителей как проводников династийности в образовательном и воспитательном процессе, формирование высокоинтеллектуальной книжной культуры. Особую роль в практиках воспроизводства семейных традиций играли позитивные семейные и межсемейные родственные коммуникации, создававшие расширенное династическое пространство и культурный капитал. По мнению автора, рассматривать научные династии дореволюционного времени как социальные монополии вряд ли представляется целесообразным. В рамках сравнительного подхода точно обращается внимание на советский опыт конструирования научных династий. К негативным обстоятельствам были отнесены экономические трудности начального времени, политико-идеологическая обстановка и др. В результате демографических и ментальных сдвигов формируются иные каналы династийного пространства, например, по принципу идейной общности. С другой стороны, как показано в работе, подспудно происходила реализация преемственности через традиционные ценности предшествующего периода.

Ключевые слова: научная династия, профессиональная династия, профессиональная идентичность, профессорская семья, культурный капитал, семейная коммуникация, социальная монополия, Ляпуновы, Фортунатовы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: disaew@mail.ru (Д.П. Исаев)